

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] / Фасмер М. – 2012 / URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-4976.htm> – Дата обращения: 09.12.2012.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Набоков В. Отчаяние / В. Набоков. – Спб.: Азбука-классика, 2010. – 224 с.

Т.Н.СКОКОВА

Белгородский государственный научный исследовательский университет

ЭПИДИГМАТИЧЕСКАЯ РЕЛЯТИВНОСТЬ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КОГНИЦИИ И КОММУНИКАЦИИ

А.Ф. Лосев считает, что «все бесконечные формы проявления вещи зафиксированы в самой вещи, по крайней мере, как возможность. И это не просто фиктивная возможность, которая равна абсолютному отсутствию <...>, но это есть именно возможность, т.е. реальная мощь, такая реальная способность вещи, которая в любой момент может стать реальностью, хотя ею не становится. Таким образом, элементарно ясно, что самость вещи есть мощь, смысловая мощь, и притом бесконечная смысловая мощь» [Лосев 1994: 349]. Эта смысловая мощь объективным образом не может не фиксироваться языком, образуя глубинную ось (известный термин Д.Н. Шмелева), которая выделена им в дополнение к «вертикальной» – парадигматической и «горизонтальной – синтагматической» [Шмелев 1973: 198-199].

Эпидигматическим элементом деривационной памяти языковых значений ученые (Ф.И. Буслаев, В.фон Гумбольдт, Г. Штейнталь, А.А. Потебня, С.Д. Кацнельсон) называют «внутреннюю форму», давая при этом в каждом конкретном случае свое лингвистическое толкование. Н.Ф. Алефиренко дефинирует данное явление следующим образом: «Внутренняя форма – результат сложных речемыслительных процессов, предполагающих языковую объективацию тех или иных психических форм отражения номинируемой действительности» [Алефиренко 2010: 146]. Понятие эпидигматики в языке возможно рассматривать только на пересечении когниции и коммуникации, то есть при учете когнитивных и дискурсивных аспектов функционирования языкового явления.

«Когнитивными аспектами оказываются в лингвистическом анализе аспекты, связанные с пониманием роли изучаемого явления в формировании определенных структур знания и образованием особых форматов знания, вербализующих складывающиеся в сознании человека концепты и объединения концептов. Дискурсивными же аспектами в лингвистическом анализе

становятся скорее аспекты, касающиеся распределения информации по поверхности разных единиц языка, с конкретными чертами ее «упаковки» в эти единицы...» [Кубрякова 2008: 31]. Системно-функциональными, входящими в парадигматику и синтагматику, являются деривационные отношения, универсальность которых подчеркивается многими учеными (см. работы Н.Д. Голева, Е.С. Кубряковой, Л.Н. Мурзина, Ю.Г. Панкраца и др.), а также в которых и проявляются эпидигматические отношения. Н.Д. Голев совершенно справедливо считает, что деривация единиц низких уровней органически входит в деривацию единиц более высоких уровней (например, лексическая деривация есть компонент деривации предложения и текста) [Голев 1989: 132-141]. Кроме того, как писал Л. Теньер, деривационные отношения активно используются говорящими для более гибкого и разнообразного выражения мыслей [Теньер 1988:379], а также исходя из того, что под дериватом, также вслед за Л. Теньером, следует понимать такие выражения, которые сохраняют значение исходного элемента эпидигматического отношения или модифицируют его определенным образом, не важно при этом, чем они выражены, поскольку деривационные связи пронизывают все языковые структуры, проанализируем, как функционирует эпидигматическая релятивность, представляющаяся как сложная деривационно-мотивационная система.

В данной работе мы рассматриваем концепт «СТРАХ» / «ANGST» на материале произведения Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и его перевода на немецкий язык. Данный концепт относится к концептам, образующим «круг» познания, то есть к концептуальным сущностям, с помощью которых мы преодолеваем путь к своему Я. Процесс познания понимается как моделирование, но не бессистемное, оно обусловлено априорными познавательными структурами, особенностями человеческой природы, мотивацией. Еще Прокл Диадокх писал о том, что всё способное производить превосходит природу производимого: «Но производящее никогда не будет и слабее производимого. Ведь если оно дает производимому существование, то оно же доставляет ему и потенцию для существования. Если же оно способно производить всякую следующую за ней потенцию, то и само себя оно способно сделать таким, как и оно. А если это так, то производящее и само себя сделает более сильным. Ведь ни отсутствие силы не препятствует этому при наличии творческой потенции, ни отсутствие воли, поскольку все по природе своей стремится к благу, так что, если оно может создать иное, более совершенное чем оно само, то оно себя сделает совершенным раньше последующего. Таким образом, производимое ни равно производящему, ни превосходит его; следовательно, во всех отношениях производящее превосходит природу производимого» [Прокл Диадокх <http>]. Таким производящим является и внутренняя языковая форма, а языковые «производимые», в формировании значения которых синергетически взаимодействуют эйдос и человеческое сознание. Термин эйдос (греч. *éidos* – вид, образ в самом широком смысле этого слова) возник в античной философии (Гомер, Эмпедокл, Демокрит,

Парменид). Платон возводит его значение до субстанциальной идеи, Аристотелем оно употребляется в значении формы.

В феноменологии Э. Гуссерля этот термин (от лат. species) означает наивысшую мыслительную абстракцию, которая однако дана конкретно и самостоятельно [БСЭ, 1969-1978]. А.Ф. Лосеву принадлежит определение эйдоса как «качества» смысла: «Эйдос есть ... первое определение смысла вообще, т.е. первое полагание для него точных пределов, точных границ, в результате чего перед нами здесь и появляется первая и наиболее структура смысла, в то время как до сих пор был только вечно бьющий источник смыслового оформления, но не самое оформление» [Лосев 1994: 523].

Г.В.Ф. Гегель, С.А. Кьеркегор, М. Хайдеггер, Ж.П. Сартр и другие выделяют, в частности, следующие эйдосы фундаментальной эмоции страх: первородный грех, невинность, ничто, смерть, невозможность довольствоваться собой, раскрытие в человеке небытия его бытия, бессилие, чуждая сила, головокружение свободы, стыд, любовь, будущее и др. В примере:

Ей стало страшно за позор, о котором она прежде и не думала...; Sie fürchtete die Schande, an die sie früher überhaupt nicht gedacht hatte

между эйдосом «первородный грех» и языковым знаком «позор» возникает симилятивная связь, для которой характерно различие единиц не по объему, а только по им присущим признакам: 'греховность', 'грехопадение', 'душевная смерть' \leftrightarrow 'постыдное, унижительное положение, вызывающее презрение'. Симилятивное сравнение, в отличие от классификационного, устанавливающего иерархию уровней абстракции от индивидов к видам, от видов к родам и т.д., видоизменяет смысл, соединяет логически несоединимые сущности и тем самым порождает третье значение, создает новую целостность (см. об этом [Поляков 1986]). Таким порождением в данном примере является следующий смысл: страх – это угроза, а именно: быть осужденным за совершенный поступок, за падение с высоты, за потерянную благодать быть уважаемым семьей, обществом и пр., угроза пережить свое несовершенство, другими словами, это угроза, исходящая от источника воображаемой опасности.

Еще один пример.

Место, где она была, показалось ему недоступною святыней, и была минута, что он чуть не ушел: так страшно ему стало... Он сошел вниз, избегая подолгу смотреть на нее, как на солнце, но он видел ее, как солнце, и не глядя; Die Stelle, wo sie stand, erschien ihm als ein unnahbares Heiligtum, und einen Augenblick war er nahe daran, wieder wegzugehen; so bange war ihm zumute... So stieg er auf das Eis hinunter, vermied es aber, wie man das bei der Sonne tut, Kitty lange anzusehen; aber er sah sie, wie die Sonne, auch ohne hinzublicken.

Эйдос «невинность» и дериват «святыня» имеют соответственно признаки: 'не знающее зла', 'гармония духа в его чистоте' \leftrightarrow 'целостность',

'чистота'. Отношение между ними определяется по сходству ощущений, общностью впечатлений и называется синестезическим отношением, базирующемся на основе симилятивной связи. Синестезия – это способность к межмодальной трансляции и является основой всех форм знания (см. работы Б.М. Галеева, E.L. Marks, J. Ward, M. Black, И.Д. Ермакова, Э.А. Кузнецовой, считающих также, что синестезия – это продукт метафорического и символического мышления). В основе синестезического восприятия лежит «сопредставление» (от греч. *synáisthēsis* = соощущение). На солнце не обязательно смотреть, его присутствие ощущается во всем (*смотреть на нее, как на солнце, но он видел ее, как солнце, и не глядя*). Истоками такого переноса является образ, утвердившийся в этноязыковом сознании: бог Солнца – в древности главный бог у славян. Ученые полагают, что существует глубинный синестезический «код» (И. Г. Гердер, Э. А. Кузнецова). Здесь экстерорецептивные ощущения (ощущения теплоты от солнца) перенесены на досознательные ощущения, которые обусловлены восприятием солнца как божества. В своей концепции бессознательного К.Г. Юнг исходил из того, что оно вместилище утраченных воспоминаний, а также аппарат интуитивного восприятия, значительно превосходящий возможности сознания. Считается, что святости излучают божественную благодать, это можно видеть и в толковании лексемы *Heiligtum* (= *erhaben über alles Irdische, von Gottes Geist erfüllt, gottgeweiht*). Продуктом данного отношения между выделенными выше элементами является смысл, который можно интерпретировать следующим образом: страх – это угроза потерять, что свято, цельно, чисто, гармонично, что есть источником тепла и благодати.

В примере

Она совершенно потерялась. Она стала биться как пойманная птица...; Sie war vollständig außer sich; sie bewegte zuckend die Glieder wie ein ergriffener Vogel

объективируется симилятивная связь между эйдосом «любовь» и смысловым дериватом «биться как пойманная птица», которая является основанием возникновения идентифицирующего отношения (ср. термин «идентифицирующий предикат» А.А. Уфимцевой). Идентифицирующей является реляция между двумя сущностями, в которой подчиненная сущность (дериват) идентифицируется значениями атрибутов «родительской», то есть мотивирующей, сущности (эйдос). Это означает, что подчиненная величина зависит от мотивирующей и не может существовать без неё. Атрибутами «производящей» сущности «любовь» являются направленность на другую личность, выражение ее душевных глубинных переживаний (Ср. высказывания, ставшие афоризмами: «Страшное землетрясение души» (Г. Гейне); «Любовь дает встряску целому составу человека, и после этой встряски, этого «землетрясения души», он может искать...» (Флоренский). Без мотивирующей сущности немислимо значение деривата «биться как пойманная птица», выражающего стихийную страстную самоотдачу, признак глубокого чувства.

Транслируемый смысл можно передать следующим образом: страх – это заостренное чувство угрозы для жизни и благополучия объекта любви. Дериват в немецком варианте «*zuckend die Glieder wie ein ergriffener Vogel bewegen*», находясь в том же отношении с мотивирующей сущностью, передает другой смысл: страх отнимает у человека силы, в особенности, если это касается страха потерять любимого человека. Говоря об идентифицирующем отношении, можно выделить еще одну зависимость: основные признаки подчиняющей сущности переходят в признаки подчиненной. Рассмотрим пример:

«Я близка к ужасному несчастью и боюсь себя», - поняла, что оружие это опасно и что его нельзя будет употребить другой раз. »Ich bin einem schrecklichen Unglück nahe und fürchte mich vor mir selbst«, sagte sie sich, dass dies eine gefährliche Waffe sei und dass sie sie kein zweites Mal gebrauchen dürfe.

Дериват «опасное оружие, которое нельзя будет употребить другой раз» идентифицируется только через признак эйдоса «смерть» - прекращение жизнедеятельности. Страх перед смертью – это страх небытия, страх перед небытием.

Между эйдосом «бессилие» и дериватом «(невозможность) уйти» (уйти из жизни, умереть, упокоиться) в примере:

И ведь вот кажется, что уйти из всей мерзости, путаницы, и чужой и своей, хорошо бы было, а я боюсь смерти, ужасно боюсь смерти; Es wäre ja wohl ganz schön, aus all dieser Gemeinheit und Verworrenheit, fremder sowohl wie eigener, herauszukommen, aber ich fürchte mich vor dem Tode, ganz entsetzlich fürchte ich mich vor dem Tode

наблюдается определенная общность сущностей по наличным признакам, то есть устанавливается импликационная связь. М.В. Никитин пишет, что конкретные виды реляций, служащие основанием импликации, чрезвычайно разнообразны: причина – следствие, исходное – производное, действие – цель, процесс – результат, часть – целое, признак – вещь, смежность (соположенность) в пространстве, следование во времени и др. [Никитин 1988: 7]. Смысловое значение деривата в том, что страх – это констатация своей слабости, бесполезности, неспособности сделать, совершить, преодолеть что-либо.

В следующем примере:

Каренина села в карету, и Степан Аркадьич с удивлением увидал, что губы ее дрожат и она с трудом удерживает слезы. – Что с тобой, Анна? – спросил он, когда они отъехали несколько сот сажень. - Дурное предзнаменование, – сказала она; Frau Karenina stieg in den Wagen, und Stepan Arkadjewitsch sah mit Erstaunen, dass ihre Lippen zitterten und sie nur mit Mühe die Tränen zurückhielt. «Was ist dir, Anna?» fragte er, als sie ein paar hundert Schritte gefahren waren. «Eine üble Vorbedeutung!» sagte sie

эйдос «будущее» и языковой знак «дурное предзнаменование» связаны меж-

ду собой отношением пересечения, при котором существует частичное совпадение значения деривата с эйдосом: события и время, следующие за настоящими событиями и временем – примета того, что должно совершиться в будущем, признак, предвещающий что-либо, близость, наступление чего-либо. Порождаемый данным отношением смысл: страх – это ожидание неудачи, предсказание при осуществлении какого-то действия, которое может быть выполнено в определенных условиях.

Осуществление деривационных процессов, которые приводят к возникновению новой концептуальной структуры, имеет свой механизм. Этот механизм определяет возможность выявления необходимых для воссоздания концепта признаков пространств за счет обращения к когнитивным областям, к которым отсылает использование инферентных знаний, установление реляций между ними, позволяющих показать результаты концептуальной деривации – «концептуальную структуру, возникающую вследствие взаимодействия исходных концептуальных структур или развития исходной концептуальной структуры» [Бабина 2009:149], а также ее образование. Если взять за основу эти положения, то можно предположить, что эпидигматическая релятивность приобретает следующий вид: эйдос + мотивированная реляция как зона конкретизации мотива + представление в концептуальном целом. Механизм мотивации можно сравнить с механизмом функционирования комплементарных отношений, под которыми стоит понимать отношения семантического взаимодополнения до целого и встраивания единиц в пространство концептуального целого. Мотивированность является важнейшим свойством внутренней формы, особенно важным для процесса концептуализации. Она позволяет обнаружить устойчивые и значимые для носителя языка признаки наименования понятия, поскольку мотивированность, по А.А. Потемне, является результатом апперцепции человеческой психики – обусловленности каждого конкретного восприятия предыдущим опытом человека. При этом в образе, как отмечает ученый, «отпечатывается то, что человеку кажется непосредственно истинным и действительным» [Потемня 1999: 127]. Рассмотрим пример.

*Куда делась его всегда спокойная, твердая манера и бес-
печно спокойное выражение лица? Нет, он теперь каждый раз,
как обращался к ней, немного сгибал голову, как бы желая пасть
перед ней, и во взгляде его было одно выражение покорности и
страха. «Я не оскорбить хочу...»; Wo war seine sonst immer so
ruhige, sichere Haltung geblieben, wo der sorglose, unbekümmerte
Ausdruck seines Gesichtes? Jetzt war das alles verändert: jedesmal,
wenn er sich ihr zuwandte, neigte er ein wenig den Kopf, als wolle er
vor ihr niederfallen, und in seinem Blicke lag unausgesetzt der Aus-
druck völliger Ergebenheit und einer gewissen Bangigkeit. «Ich mö-
chte dich nicht beleidigen...»;*

Отношение конкретизации мотива устанавливается между эйдосом «вина» и дериватом «нежелание оскорбить». Такая мотивация называется в пси-

хологии мотивацией инициации, которая обозначает формирование мотивационной тенденции (побуждения), что проявляется в следующем смысле: страх – это то чувство, которое иницирует обеспокоенность, гиперактивность, симпатичные реакции (по Изарду). Еще один пример:

Но на своих дочерях она испытала, как не легко и не просто это, кажущееся обыкновенным, дело - выдавать дочерей замуж. Сколько страхов было пережито, сколько мыслей передумано... Старый князь, как и все отцы, был особенно щепетилен насчет чести и чистоты своих дочерей; он был неблагоразумно ревнив к дочерям, и особенно к Кити, которая была его любимица, и на каждом шагу делал сцены княгине за то, что она компрометирует дочь. Княгиня привыкла к этому еще с первыми дочерьми, но теперь она чувствовала, что щепетильность князя имеет больше оснований. Она видела, что в последнее время многое изменилось в приемах общества, что обязанности матери стали еще труднее. . Schon bei der Verheiratung der beiden älteren Töchter, Darja und Natalja, wieviel Angst hatte sie dabei ausgestanden, wieviel sorgenvolle Gedanken in ihrem Kopfe umhergewälzt... Der alte Fürst war, wie alle Väter, besonders peinlich in der Sorge für den reinen, ehrenhaften Ruf seiner Töchter; er war auf die Töchter in unvernünftiger Weise eifersüchtig, namentlich auf Kitty, die sein Liebling war, und machte der Fürstin alle Augenblicke unangenehme Szenen, weil sie die Tochter ins Gerede bringe. Die Fürstin war das schon gewohnt geworden, als es sich noch um die ersten Töchter gehandelt hatte; aber jetzt fühlte sie, daß zu der Peinlichkeit, wie sie der Fürst an den Tag legte, mehr Grund vorhanden sei. Sie sah, daß sich in der letzten Zeit gar manches in den Gebräuchen der Gesellschaft geändert hatte und die Pflichten einer Mutter noch schwerer geworden waren.

Каждая конкретная реализация мотива обусловлена не только включением Я в регуляцию мотивационного процесса деривации, но и элементов предыдущим опытом человека. Между эйдосом «невозможность довольствоваться собой, чем-то или кем-то, недовольство» и дериватом «быть щепетильным насчет чести и чистоты дочерей» в нашем примере объективируется отношение конкретизации, обусловившее определенное восприятие смысла, касающегося страха: конфликтные взаимоотношения между представителями разных поколений основаны на различии убеждений и это становится причиной страха. Страхи родителей и их детей могут нести недовольство и разногласия, так как поколения испытывают абсолютно разные страхи, несущие на себе отпечаток предшествующего опыта. Страх, следовательно, это – эмоция, возникающая при угрозе комфортному социальному существованию индивида, источником которой является возникающая в действительности или в сознании ситуация, в основе которой лежит опыт межличностных отношений (в приведенной ситуации, например, страх вызывают многие изменения в приемах общества).

Анализ процесса встраивания единиц в концептуальное целое невозмо-

жен без понимания, что естественным образом между эйдосом и дериватом существует целевое отношение. Реляция – это зона, где мотивационному импульсу придается направление, происходит энергетизация и интенсификация цели (см., например [Тихомиров 1984]). Продемонстрируем на примере:

Ничего веселого и радостного не было в этом чувстве; напротив, это был новый мучительный страх. Это было сознание новой области уязвимости. И это сознание было так мучительно первое время, страх за то, чтобы не пострадало это беспомощное существо, был так силен, что из-за него и незаметно было странное чувство бессмысленной радости и даже гордости, которое он испытал, когда ребенок чихнул; Es lag in diesem Gefühle nichts Heiteres und Fröhliches; im Gegenteil, es war eine neue beängstigende Sorge hinzugekommen. Ljewin war sich bewusst, eine neue verwundbare Stelle bekommen zu haben. Und dieses Bewusstsein war ihm in der ersten Zeit so quälend, die Furcht, dieses hilflose Wesen könne Schmerz leiden, war bei ihm so mächtig, daß das sonderbare Gefühl einer sinnlosen Freude, ja eines gewissen Stolzes, als der Kleine geniest hatte, ganz davor zurücktrat.

Целевое отношение между мотивом «бессилие» и дериватом «новая область уязвимости» можно назвать селективным целевым отношением (от лат. *selectio* – выбор, избирательный, основанный на свойстве или способности производить целенаправленный в том или ином отношении отбор объектов, связей и отношений). Это отношение характеризуется включением Я в регуляцию мотивационного процесса деривации. Страх индивида быть в состоянии крайней слабости, отсутствия нужных для чего-либо качеств, свойств, неспособность сделать, совершить что-либо приводит к повышенной чувствительности, ранимости, уязвимости – это те обстоятельства, которые обусловили выбор данной языковой комбинации.

Ей не только было тяжело, но она начинала испытывать страх пред новым, никогда на испытанным ею душевным состоянием. Она чувствовала, что в душе ее все начинает двоиться, как дwoятся иногда предметы в усталых глазах; Es war ihr nicht nur schwer ums Herz, sondern sie begann sich auch vor diesem neuen Seelenzustande, den sie bisher noch nie kennengelernt hatte, zu fürchten. Sie hatte eine Empfindung, als ob sich in ihrer Seele alles verdoppele, so wie sich mitunter vor ermüdeten Augen die Gegenstände verdoppeln;

Было одно ожидание – страх и радость нового и неизвестного. И теперь вот-вот ожидание, и неизвестность, и раскаяние в отречении от прежней жизни – все кончится, и начнется новое. Это новое не могло быть не страшно по своей неизвестности... Es war immer nur die Erwartung dagewesen, die bängliche und freudige Erwartung von etwas Neuem und Unbekanntem. Und jetzt, jetzt sollte nun die Erwartung und die Unklarheit und die Selbstanklage wegen der Abkehr von dem früheren Le-

ben, jetzt sollte das alles ein Ende nehmen und das neue Leben beginnen. Dieses neue Leben musste ihr, weil es ihr noch unbekannt war, notwendigerweise furchtbar erscheinen.

Для мотивов «неведение» и «неизвестность» в приведенных примерах характерно отношение наложения, при этом оно обладает продуцирующей энергией: порождаемые этой энергией языковые единицы взаимодействуют, дополняют, накладываются друг на друга, создавая целую палитру значений: 'новое', 'неиспытанное', 'ожидание', 'неизвестность'. Таким образом, мотив не изолирован, он соприкасается с другими мотивами и тогда мотивы складываются в модули, транслирующие смыслы, например: страх – это незнакомое, неизведанное, неиспробованное, невыясненное, малоизвестность, невиданность, безызвестность, неизведанность, безвестность, то, что не пережито на собственном опыте, опасение обмануться в своих ожиданиях и пр. То есть, отношения между мотивами также обуславливают процесс осмысления, кодировки, а смысл, как известно, – это сфера пересечения и взаимодействия феноменов языка и мышления. Общий смысл сохраняется благодаря ассоциативному включению: сигнал одного явления включает значение сигнала другого явления.

Отношение противопоставления между рассматриваемыми сущностями не всегда означает отношение взаимного исключения. Противоположность в деривате может быть связана таким образом с мотивом, что становится источником глубокого смысла. Приведем пример:

Вид брата и близость смерти возобновили в душе Левина то чувство ужаса перед неразгаданностью и вместе близостью и неизбежностью смерти, которое охватило его в тот осенний вечер, когда приехал к нему брат. Чувство это теперь было еще сильнее, чем прежде; еще менее, чем прежде, он чувствовал себя способным понять смысл смерти, и еще ужаснее представлялась ему ее неизбежность; но теперь, благодаря близости жены, чувство это не приводило его в отчаяние: он, несмотря на смерть, чувствовал необходимость жить и любить. Он чувствовал, что любовь спасала его от отчаяния и что любовь эта под угрозой отчаяния становилась еще сильнее и чище. Der Anblick des Bruders und die Nähe des Todes hatten in Konstantin Ljewins Seele jenes Gefühl des Grausens vor der Rätselhaftigkeit des Todes und zugleich vor seiner Nähe und Unvermeidlichkeit wieder von neuem wachgerufen, das an dem Herbstabend, wo sein Bruder zu ihm auf Besuch gekommen war, sich seiner bemächtigt hatte. Dieses Gefühl war jetzt in ihm noch stärker als vorher; er fühlte sich jetzt noch weniger fähig als früher, das eigentliche Wesen des Todes zu verstehen, und seine Unvermeidlichkeit erschien ihm noch furchtbarer. Aber jetzt brachte ihn dieses Gefühl, dank der Gegenwart seiner Frau, nicht zur Verzweiflung; denn trotz der Gegenwart des Todes fühlte er die Notwendigkeit, zu leben und zu lieben. Er fühlte, dass die Liebe ihn vor der Verzweiflung rettete und dass diese Liebe infolge der drohenden Verzweiflung noch stärker

Эйдос «неизбежность смерти» и дериват «необходимость жить и любить» противопоставлены, однако являются источником понимания ненужности страха перед смертью. Так как это явление существует только в угоду жизни, состоя, как говорил Генри Миллер, при ней на бессмертной службе. Райнер Мария Рильке усматривает даже величие смерти, так как при ней мы живы.

Итак, подведем итоги. (1) Между аффектно-когнитивным образом и объективированными в языке признаками категориальных пространств возникает отношение, которое осуществляет приобщение через единичное к общему, к концептуальной структуре. Существует целый ряд опосредствующих отношений. Если меняется характер опосредствующих отношений, соответственно меняется строение, в частности форма, концепта. Отсюда мы можем сделать вывод, что он, и в частности строение его формы, отражается в типах отношений сопоставления, посредством которых в этом объекте выделяются те или иные стороны, то или иное содержание. Полученное номинативное знание создает необходимую основу для того, чтобы при определенных условиях оно могло превратиться в знание принципиально иного вида, в так называемое синтагматическое знание.

(2) Реконструировать деривационный механизм, на наш взгляд, возможно благодаря экспликации реляций между элементами потенциальности языковых знаков, не всегда связанными с определенной словесной формой, стоящими над этой формой. То есть, эти элементы поставлены в сознании воспринимающего субъекта в определенные отношения и образуют такое явление, которое может быть названо термином «эпидигматическая релятивность» как своеобразный каркас, генерирующий смысловую мощь единиц языка при формировании концепта, обнаруживающийся при анализе мотивационного процесса как фундаментального принципа речепорождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта, Наука, 2010. – 285 с.
2. Бабина Л.В. Концептуальные основы словообразования / Л.В. Бабина // Когнитивные исследования языка. – Вып. IV. Концептуализация мира в языке. – С.128-150.
3. Большая советская энциклопедия: В 30 т. – М.: Советская энциклопедия, 1969-1978.
4. Кубрякова Е.С. О методике когнитивно-дискурсивного анализа применительно к исследованию драматургических произведений (пьесы как особые форматы знания) / Е.С. Кубрякова. – Тамбов, 2008. – С.30-46.
5. Кузнецова Э.А. Трактат о синестезии / Э.А. Кузнецова. – Казань: Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 2004. – 123 с.
6. Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1994. – 919 с.
7. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения / М.В. Никитин. – М., 1988. – 168 с.